

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ

Автор в своей статье ставит проблему изучения новой политической закономерности, появившейся в традиционной системе смены власти в Бурятии. Выделяются следующие параметры, по которым определялся политический лидер республики: возраст, этническая и территориальная принадлежность, пол, прежний род занятий. Главный из них – подбор лидера в советской и постсоветской действительности – почти всегда определялся центром. В нынешних условиях выборов главы республики центр сохранил за собой это право, однако при этом он вынужден учитывать запросы и ожидания граждан республики.

Ключевые слова: смена власти; политический центр; политический лидер; глава республики; управленец.

Dagbaev Erdem Danzanovich
Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

REFORMATTING OF POWER IN MODERN BURYATIA

The author analyzes the new political regularity which has appeared in traditional system of the power's change in Buryatia. The following parameters by which the political leader of the republic was determined are considered: age, ethnic and territorial origin, gender, former occupation. The main one – the selection of the leader in the Soviet and Post-Soviet reality – in most cases was defined by the center. In present conditions of elections of the head of the republic the center has reserved this right, however at the same time it takes into attention inquiries and expectations of citizens of the republic.

Keywords: change of the power; political center; political leader; head of the republic; manager.

В феврале 2017 г., в общем-то, неожиданно для многих (но не для политологов), заявил о внезапной отставке глава Республики Бурятия. В тот же день был показан телесюжет, о том, что врио главы назначен заместитель транспорта России Алексей Самбуевич Цыденов. И на завтра он уже был представлен депутатам парламента, членам правительства и общественности в качестве лидера республики. Стало понятно, что президент России сделал свой выбор. Цыденов должен был идти на выборы главы. 12 сентября этого же года он был триумфально избран на высший в Бурятии пост, набрав 87 % голосов избирателей. И сейчас завершено формирование новой команды правительства. Смена власти в республике произошла практически безболезненно и без эксцессов.

Чем примечательна такая смена власти? Если прежние крупнейшие политические изменения происходили либо путем выборов (по сути, состоялись только три выбора президента республики), либо путем фактического назначения (наделения полномочиями / другая форма, но в любом случае по предложению центра). Нынешняя смена власти носит промежуточный характер, в ней есть элементы как кооптирования, так и назначения, закрепляемого впоследствии через выборы. И это очень интересно, потому что требует новых черт политического функционирования и, прямо скажем, новых качеств политики.

Чтобы понять весь драматизм ситуации, вспомним, что являвшийся президентом, а затем главой республики Бурятия В. В. Наговицын ни разу не избирался населением Бурятии на этот пост. Он вообще фактически ни разу за свою политическую карьеру не проходил через процедуру выборов, что многое объясняет как в личном поведении, так и в карьере политика. У него был шанс «проскочить» и в третий раз. В июле 2017 г. истекал его второй срок, но он никак не успевал оказаться среди тех, кто еще мог продлить свои полномочия без выборов.

Правда, он имел возможность досрочно уйти в отставку и выдвинуться в качестве кандидата на прямых

выборах еще в 2016 г. Однако Президент В. В. Путин отказал ему, в то время как Шолбану Кара-оолу, коллеге из Тывы, срок которого также заканчивался в 2017 г., разрешил. Стало ясно, что в Наговицына в Кремле не особо верят. И чем ближе становилось время выборов главы республики, тем меньше становилось в него веры.

В открытую, конечно, ни в Кремле, ни кто-либо из ответственных лиц не высказывали претензий Наговицыну, но все понимали, в чем дело. Во-первых, Наговицын был втянут в так называемые межэлитные конфликты. Вернее, сам втянулся, совершив ряд кадровых и прочих ошибок. И так испытывая критику с разных сторон, особенно активно со стороны официальной оппозиции – КПРФ и его регионального лидера В. М. Мархаева, – действующий глава республики вызывал на себя серьезную критику со всех сторон. Его стали обвинять в коррумпированности, нежелании взаимодействовать с общественными силами, привлекать в правительство способных людей.

А. С. Цыденов был среди пяти молодых глав регионов, которых сразу окрестили «молодыми технократами Путина». Они получили его личную поддержку, в связи с чем региональная элитная структура резко изменилась. Тот же В. М. Мархаев сразу после назначения А. С. Цыденова потерял основные козыри, с которыми собирался бороться с В. В. Наговицыным. Затем он вообще не прошел муниципальный фильтр и был снят с выборов. В итоге А. С. Цыденов победил с рекордными 87 процентами голосов, имея при себе лишь двух записных, но никак не могущих оказать достойного сопротивления соперников.

Итоги выборов следует рассматривать как поддержку курса на формирование нового поколения управленцев. Замена глав регионов была продолжена, осенью того же года в отставку были отправлены главы еще десяти регионов. Среди первой волны «молодых технократов» губернаторы семи регионов: Пермского края, Новгородской, Рязанской области, Бурятии, Марий Эл, Карелии и Удмуртии. Речь идет о Максиме Решетникове, Андрее Никитине, Николае Любимове,

Алексее Цыденове, Александре Евстифееве, Артуре Парфенчикове и Александре Бречалове. Все они, как показали дальнейшие события, победили в первом туре губернаторских выборов.

Выборы показали, что у людей есть запрос на обновление. Сделав ставку на новых людей, прошедших сложную систему тестирования, президент дал сигнал, что начал формировать новое поколение управленческой элиты. Кремль продолжает омоложение и обновление губернаторского корпуса. При этом Кремль не ставил задачу нарастить явку на региональных выборах, и этот подход, как считают в администрации президента, себя оправдал: показатели явки практически во всех регионах оказались в пределах средней нормы.

За 94 года в Республике Бурятия, при грубом анализе, сменилось десять руководящих команд. Алексей Цыденов возглавил одиннадцатую по счету. Конечно, это достаточно условные политические циклы при разных формах власти. На наш взгляд, самой первой политической командой является та, что сформирована на первой сессии ЦИК БМАССР в 1923 г. Тогда председателем президиума ЦИК был избран М. И. Амагаев, его заместителем – М. Д. Иванов. В состав СНК – высшего исполнительного органа, сформированного ЦИК, вошел М. Н. Ербанов, которого избрали председателем, а его заместителем утвердили М. Д. Бермана. Однако в соответствии с политологическим анализом политическим лидером республики мы считаем в первый период существования Бурят-Монгольской АССР (с 1923 по 1928 г.) М. М. Сахьянову, лидера партийной организации. Центром политической власти, безусловно, выступает партия, в недрах которой принимались ключевые решения.

Вторым по счету руководителем республики, на наш взгляд, следует считать М. Н. Ербанова, он стал лидером партийной организации республики в период с 1928 по 1937 г. Что случилось в 1937 году, думаю, рассказывать излишне. На смену ему ЦК ВКП(б) прислал из Москвы С. Д. Игнатьева. Его сменил на посту первого секретаря Бурятского обкома партии А. В. Кудрявцев, проработавший восемь лет с 1943 по 1951 г. После А. В. Кудрявцева политическим лидером Бурятии, а именно первым секретарем обкома КПСС стал А. У. Хахалов, в 1960-1962 гг. – первым секретарем партийной организации работал В. Р. Филиппов, с 1962 по 1984 г. – партийным лидером стал А. У. Модогоев, с 1984 по 1990 г. первым секретарем трудился А. М. Беляков. В 1990 г. на альтернативной основе первым секретарем Бурятского рескома КПСС был избран Л. В. Потапов, он же с 1992 г. после устранения из власти коммунистической партии был избран председателем Верховного Совета Республики Бурятия, а в 1994 г. был избран первым президентом Бурятии. Затем дважды переизбирался в 1998 и 2002 гг. С 2007 г. по представлению президента России Народный Хурал РБ наделил полномочиями президента Бурятии В. В. Наговицына. В 2012 г. его полномочия были продлены еще на пять лет. Надо заметить, что в 2011 г. пост президента республики ликвидируется, и вместо него вводится пост главы республики.

Так, до А. С. Цыденова можно насчитать десять политических циклов. И мы можем видеть определенные политические закономерности. Первый из них касается временных границ в соответствии со сменой власти. Если посмотреть на то, в течение какого времени продолжались эти циклы, то увидим следующую картину: руководство М. М. Сахьяновой – 5 лет, М. Н. Ербанова – 9 лет, С. Д. Игнатьева – 6 лет, А. В. Кудрявцева – 8 лет,

А. У. Хахалова – 9 лет, В. Р. Филиппова – 2 года, А. У. Модогоева – 22 года, А. М. Белякова – 6 лет, Л. В. Потапова – 17 лет, В. В. Наговицына – 10 лет. Цикл, как мы видим, в среднем насчитывает 10 лет, и только два политических цикла выбиваются из этого ряда. У «долгожителей» А. У. Модогоева и Л. В. Потапова правление насчитывало двадцать два года и семнадцать лет, и если не брать их в расчет, то среднее время цикла значительно сокращается – 5-6 лет. Каков будет временной политической цикл команды А. С. Цыденова сказать трудно, но, вероятно, следует учитывать среднее время.

По параметру источников наделения властью – кто или какие политические силы определяют политических лидеров Бурятии – совершенно очевидно, что кандидатура политического лидера всегда определяется центром (Кремлем, Старой площадью независимо от того, как называется центр власти), за исключением периода 1990-х гг., когда президентом Бурятии трижды подряд избирался Л. В. Потапов. В любом случае в истории лидером Бурятии (даже при Л. В. Потапове) был человек – креатура центральной власти. Еще одно важное обстоятельство. В большинстве случаев бывший руководитель республики уезжает за ее пределы, если он из числа местных, то остается, а его команда переходит к преемнику, за исключением самых долговременных членов команд. В том случае, если руководитель не из выходцев республики и затем уезжает за пределы республики, то, как правило, он теряет тесные связи с самой республикой.

В 9 из 10 случаев решение о том, кому быть на политическом олимпе Бурятии принимала руководящая партия, действовавшая сначала на протяжении нескольких десятилетий в однопартийной системе, а затем тоже «партия власти», но уже при формально многопартийной системе.

В национальной республике важнейшим признаком становится этническая и территориальная принадлежность политического лидера. Как правило, здесь могут встречаться две модели: «бурят – русский» и «местный – варяг». Или вариант «бурят – варяг», поскольку буряты не рассматриваются как варяги.

Какие закономерности мы видим здесь? 5 раз политическими лидерами республики являлись буряты, 5 раз – русские. Из бурят в их числе А. У. Хахалов, В. Р. Филиппов, А. У. Модогоев, М. М. Сахьянова и М. Н. Ербанов. Условно говоря, среди них трое являются фактически назначенными лидерами, а двое М. М. Сахьянова и М. Н. Ербанов – условно говоря, избранными. Из числа русских 4 назначенцев – С. Д. Игнатьев, А. В. Кудрявцев, А. М. Беляков и В. В. Наговицын. И только один выигрывал выборы, но зато какие – президентские! И он единственный местный – это Л. В. Потапов. При желании А. М. Белякова тоже можно отнести к местным, учитывая длительное пребывание на посту первого секретаря Улан-Удэнского городского комитета партии, но прибавлю сюда он переводом по партийной линии.

Что касается линии «местный – варяг», она возникла в силу безусловного недоверия Москвы к региональной политической элите. Очевидно, что это недоверие существовало всегда, и если в советские времена это преодолевалось тем, что избранника сначала «готовили» в аппарате ЦК партии, то в условиях выборов повлиять на это практически невозможно.

Еще один параметр – так называемый род занятий, под коим мы у политиков понимаем первичное профессиональное образование и сферу начала трудовой деятельности, что имеет большое значение с точки зрения

того, к какой корпоративной группе он принадлежит. К первым четырем руководителям Бурятии трудно применить эти признаки: они, по сути, профессиональные партийцы, революционеры, начинали свою трудовую деятельность в революционных организациях. А вот по оставшимся шести руководителям стоит сказать особо. До начала 1980-х гг. явно доминируют аграрии по профессиональной деятельности (А. У. Хахалов, В. Р. Филиппов, А. У. Модогоев). Они начинали свой трудовой путь в этой сфере и, скажем прямо, являются специалистами именно в ней. Более того, В. Р. Филиппов стал первым доктором ветеринарных наук, возглавил и создал нынешнюю Бурятскую сельскохозяйственную академию. Трое последних руководителей – промышленники и по образованию, и по профессиональной деятельности. А. М. Беляков – инженер-строитель, Л. В. Потапов – инженер-железнодорожник, В. В. Наговицын – также инженер, все они возглавляли или находились в руководстве крупных промышленных предприятий. Соответственно (и эта тенденция хорошо прослеживается), основу команд, сформированные ими, составляют представители тех секторов экономики, откуда они сами являются выходцами.

Возраст также является принципиальным признаком, способным указать на политические закономерности. Обратившись к биографическим данным, мы увидим, что в Бурятии лидерами становятся люди в зрелом возрасте. Так, если не брать во внимание первых лидеров, пришедших к власти на волне революционных событий, то мы увидим, что самым молодым из послевоенных лидеров стал руководителем республики В. Р. Филиппов – в 45 лет. А. У. Модогоеву было 47 лет, А. М. Белякову – 51 год, Л. В. Потапову – 57 лет, когда он стал председателем Верховного Совета Республики Бурятия, В. В. Наговицыну – 51 год.

Посмотрим, что принципиально изменилось и что сохранилось из того, что принято называть параметрами смены власти. Центр не изменил себе в главном: после того, как В. В. Наговицын перестал устраивать Кремль (вернее, центр не был уверен в его победе на выборах), у местных политиков шанса не появилось. Принципиально высоким уровнем доверия никто из них не обладал, да и сам Наговицын старался назначать на высокие посты людей, которые не могли стать его конкурентами. Но, самое главное, при этом центру нужно было подобрать такую фигуру, которая могла гарантированно выиграть выборы, а значит, получить доверие у основных политических групп республики, а затем начать предвыборную борьбу.

Об общем тренде омоложения состава политической элиты уже было сказано, Бурятия органично подходила под него. В целом, традиционно возрастной

лидер республики был впервые обменян на человека очень молодого, которому был всего 41 год. Во-вторых, безусловно, был учтен такой параметр, как этническая и территориальная принадлежность нового лидера. На наш взгляд, это был принципиальный момент, и центр потратил основные усилия для того, чтобы соответствовать важнейшему запросу региона. А запрос заключался в том, чтобы национальной республикой после большого перерыва руководил бурят по национальности. И был своим, местным. В республику приезжали, по меньшей мере известные мне, две группы экспертов и аналитиков из Москвы, представлявшие сотрудниками социологических научно-исследовательских служб, которые выясняли потенциальную силу этого запроса в обществе.

По иронии судьбы (тут, конечно, ничего поделывать было невозможно), принятое решение оказалось половинчатым. Как заявил сам А. С. Цыденов, он метис: отец – бурят, мать – русская. Конечно, это был не самый удачный ответ. А выходец он из соседнего региона, но воспринимающегося, в общем, как близкий и родственный. Он родился в г. Петровск-Забайкальский, совсем рядом с границей Республики Бурятия.

Главный козырь центра заключался в том, что новый глава республики был человеком, имевшим серьезный опыт работы в федеральных структурах власти, а именно на таком важном посту, как заместитель транспорта России, будучи потомственным железнодорожником. Иначе говоря, по роду предыдущих занятий – промышленник. Федеральные связи, как совсем скоро убедились граждане Бурятии, вещь весьма серьезная. Это ощущалось и по уровню его взаимодействия с руководителями федеральных структур, поддержке с их стороны, сразу участвовавшим, пусть и в связи с выборами, приездом руководителей на уровне министров и заместителей министров России. Чего стоит один из мемов, популярный в местных СМИ, когда во время одного из совещаний при десятках свидетелей ему позвонил председатель правительства России Д. А. Медведев и сообщил о том, что Бурятия принята в одну из федеральных программ.

Таким образом, произошло переформатирование системы смены власти в Бурятии. Создан определенный синтез назначаемого и выборного элементов, который соответствует запросам как со стороны центра, так и самого региона. Именно этим, в первую очередь, объясняется высокий уровень надежд на нового лидера Бурятии. Опыт политического функционирования лидеров республики говорит о том, что оптимальным вариантом является, когда он является «своим» и для центра, и для Бурятии. Но это доверие нужно будет оправдать.